

Виктор пытался уснуть, но ничего не получалось, сон упрямо бежал от него. Он подосадовал на бессонницу, которая его мучила.

Он понимал, что недосыпать – это удел старших, которым для сна хватает трех-четырёх часов, а все остальное время ночи как бы отводится для подведения итога прожитых лет. Если это так, то какой же итог в тридцать пять?

И все-таки, посмотрев с высоты этого возраста, Виктор помрачнел: как ни крути, ни верти, а тридцать пять – это годы.

Вспомнились слова матери, которая в последний приезд к ним что-то долго высчитывала на пальцах, после чего настороженно спросила:

Витя! Тебе что уже тридцать пять?

Тридцать пять, – с какой-то неловкостью ответил Виктор, понимая, к чему клонит мать.

– А мне все кажется, что тебе восемнадцать.

Почему этот возраст засел в памяти матери Виктор догадался. Потому что до восемнадцати он жил при ней, беззаботно, в родительском доме.

Чтобы удобнее лежать, Виктор повернулся на спину, укрываясь простыней. Сквозь полумрак

в комнате он разглядел темные лепестки люстры, висевшей под потолком. Люстру им подарили подруги Маринки на свадьбу. Правда, Маринка несколько раз заикалась, чтобы поменять ее. Говорила, что таких люстр давно ни у кого нет, но Виктор возразил ей, советовал жить своим умом, не гнаться за другими. Маринка умолкала, понимая мужа, которому нелегко было снять и выбросить свадебный подарок, напоминающий им о двенадцатилетней совместной жизни.

В соседней комнате что-то пробормотал во сне сынишка.

В ночной устоявшейся тишине слышалось ровное дыхание Маринки, спавшей на своей деревянной односпалке, вплотную придвинутой к Викторовой.

Было такое, когда им обоим не спалось. Но тогда стоило подать друг другу голос, выложить затаенное на душе, и сразу легче становилось. Однако на этот раз все было по-другому, и Виктор старался поменьше шевелиться, чтобы не разбудить жену. И только, когда под ней пискнули пружины, догадался, что она, тоже не спит. А чтобы в этом убедиться, он тихо спросил:

– Спишь?

Маринка вздохнула и также тихо отозвалась:

– Засыпаю. И ты спи.

«От такой новости сразу не уснешь», – подумал Виктор с усмешкой, и тут же вспомнил, как Маринка загорелась, когда, придя со службы, он сказал ей, что ему предложили в городе другую должность. Даже в ближайшее время пообещали решить вопрос с квартирой. А когда большие начальники предлагают, все делается без лишних хлопот. Что от тебя требуется, так это согласие.

Ой, как нам повезло! Как повезло! – обрадовалась Маринка. Казалось, все эти годы она ждала от Виктора этой новости. Ради этого дня провела лучшие годы в военном городке, со всех сторон продуваемом степными ветрами. Боже мой! Чего только не пришлось натерпеться в этой глуши. Но все, что было связано с прошлой жизнью, сейчас в Маринкином воображении летело куда-то вверх тормашками, а вместо этого она уже хорошо представляла новую жизнь, в хорошем городе, с нарядными витринами магазинов, с автобусами, трамваями и троллейбусами. Боясь спугнуть воображаемую жизнь, какой жила в эти минуты, она вдруг остановилась и посмотрела на Виктора. А Виктору казалось, что целую вечность он не видел этих сияющих радостных глаз жены, ее нежную улыбку.

– Когда переезжать-то будем? – поинтересовалась Маринка.

– Я сказал, что... – смотря завороженно в глаза жены, осекся Виктор на полуслове, соображая, как лучше объяснить ей суть своего разговора с представителем вышестоящего штаба.

– Что сказал? – перебила Маринка настороженно. – Какой-нибудь фокус выкинул?

– У тебя в голове одни фокусы, – огрызнулся он, – сказал, что подумаю, с тобой посоветуюсь. Спешить некуда.

– Нет, ты – ненормальный! – всполошилась Маринка. – Он еще решил думать. Да разве в таких случаях думают? Все ищут повод сбежать отсюда. А он...

– Не мог без тебя решить, – попробовал он оправдаться.

– Ой, смотри-ка, какой послушный у меня муж? – съязвила Маринка.

– Послушный не послушный, но еще же и рапорт надо писать.

– А чего ждешь? – удивленно произнесла Маринка. – Хочешь, я напишу? Ты только продиктуй.

И Виктор понял, что ради подвернувшейся возможности жить в городе жена была согласна на все: и рапорт написать и отнести его в штаб, словом, была готова взять на себя все хлопоты, связанные с переводом. Невысокая, со сбившейся набок челкой, в этот момент она больше походила на девчущку, чем на тридцатилетнюю женщину.

Чтобы как-то погасить в ней пыл, Виктор предложил: – После напишешь. А пока запоминай: «Командиру экипажа. Рапорт. Прошу вашего ходатайства перевести меня в Н-скую часть на должность, не связанную с техникой, потому что на этой должности я больше пребывать не могу, так как весь пропитался керосином, и не сегодня-завтра жена пообещала выгнать меня из дома». Поставишь дату и подпись: техник самолета капитан Щеглов.

Для пушей важности Виктор сделал серьезный вид и спросил:

– Пойдет?

– Насчет меня-то ты зря, – упрекнула она.

– Но, в конце концов, я какую-то причину указать должен, – пояснил Виктор.

– Ладно, указывай, – согласилась Маринка. – Витя!

А если рапорт не подпишут?.. Тогда как быть? – настороженно подняла она глаза.

– Куда денутся? Это все для формальности. Я же сказал, что там все решено.

– Ты говоришь, а мне не верится. Как будто в каком-то сне! – призналась Маринка. – Домой хоть вовремя приходите будешь? Не как тут?

– Так точно, – продолжил он с усмешкой. – Там все несколько иначе. Если можно так выразиться, нормированный рабочий день! Не служба, а жизнь по распорядку! Лучшего и желать не надо! Представляешь! – артистически жестикулируя перед Маринкой руками, продолжал Виктор: – Покупаю мороженое и прихожу домой. Все быстренько собираемся и идем в кино, потом в драмтеатр или цирк. И так каждый день будем вести, так сказать, культурный образ жизни. Согласна?

– Еще бы, – выдохнула Маринка и только тут в глазах мужа заметила блуждающую улыбку. Она осеклась, догадавшись, что Виктор ее просто-напросто разыгрывает.

Разочарованная и немножко сердитая, она отодвинулась от него и, облокотившись на подушку дивана, тихо прошептала:

– Зачем так шутить, я ведь поверила...

– Я всерьез, – попытался Виктор оправдаться. Но голос сорвался, не достигнув веселой ноты. – Хотя не знаю и сам, как быть? Здесь есть одно «но».

– В этом вопросе не должно быть никаких «но», – заявила жена и строго посмотрела на мужа, отчего ему стало не по себе.

В ее взгляде он прочитал боль и обиду. Он упрекнул себя за то, что поделился с ней новостью раньше времени. Конечно, решение он мог принять и один: соглашаться на перевод или нет. Но те вопросы, которые касались семьи, он не привык решать один. Они их всегда решали вместе.

– Ты пойми, – начал Виктор. – Как-то все неожиданно получилось. Мы вроде бы к этому и не стремились...

– А чего стремиться, когда возможности нет, – отрезала Маринка.

В ее словах Виктор уловил настороженность. Теперь она не была такой открытой и доверчивой, как несколько минут назад.

– Может, и так, – согласился Виктор. – Тут, понимаешь, какое дело. Даже не знаю, как тебе лучше объяснить. Или привычка или призвание – сам не разберусь. Несколько дней на аэродроме не побуду – места себе в квартире не нахожу. Прикипел я к этим самолетам, что ли? Если бы предложили на такую же должность – и разговора нет...

Пытаясь понять мужа, Маринка пристально посмотрела на него и торопливо проговорила:

– Как ни прикипел, а город есть город. Все к нему тянутся. Мы, что, хуже других? А если больше такая возможность не подвернется?

Она была права. С переводами в полку, действительно, было туго. Выпадали они от случая к случаю. Им радовались, как выигрышу.

Оно понятно: кому хочется надолго осесть в дальнем гарнизоне. Возможность, которая им подворачивалась, могла быть единственной.

Перебрав все «за» и «против», они пришли к общему мнению, что терять такой шанс не стоит. Хотя мнение было общим, а на душе у каждого оставалось что-то свое, недосказанное. От этого, видать, и ночь была такой беспокойной.

А когда солнечные зайчики пробились сквозь щели зашторенного окна, Виктор встал. Выпил чашку кофе, приготовленного Маринкой. Свернул трубочкой рапорт о переводе, вышел на лестничную площадку и с пятого этажа легко сбегал вниз. Распахнул в подъезде дверь и, пьянея от свежести утреннего воздуха, оказался на улице, в порывах легкого ветерка позванивающего молодой листвой, которая за одну ночь появилась из проклюнувшихся березовых почек. Маленькие деревца возле домов посадили несколько лет назад. Сажали как бы для эксперимента, потому что многие жильцы городка утверждали, что береза прихотливое и нежное дерево. Где попало не примется. Но эксперимент удался, и теперь жильцы городка приход весны считали не с появлением первых ручейков, а с появлением первых клейких березовых листочков, которые свое пробуждение оповещали буйным шелестом, переходящим в едва улавливаемый перезвон.

Так было надежнее. После этого устанавливались хорошие дни.

Приглушенный свист запускаемых турбин доносился с аэродрома, который, несмотря на ранний час, уже жил будничной жизнью. И Виктор представил, как, приседая на стойках, пробуя свою мощь, готовятся к взлету крылатые машины.

Сегодня, по его подсчетам, летала соседняя эскадрилья. Он позавидовал, что синоптики «подарили» им хорошую погоду.

В последние дни по набухшему от сырости небу то и дело плыли тяжелые тучи. Часто моросил мелкий дождь. Полеты в основном проводились в сложных метеоусловиях.

Решив быстрее закончить дело с рапортом, Виктор торопливо направился в эскадрилью. По пути обогнал паренька в светлом костюме. Удаляясь от него, вдруг услышал окрик:

– Товарищ капитан!

Виктор замедлил шаг, обернулся и тут же от неожиданности остановился, узнав в прохожем бывшего механика самолета, рядового Зарубина. А не узнать его было нельзя, потому что своей любознательностью и какой-то особой доверчивостью Зарубин крепко запал в душу Виктора. К тому же, в свое время Виктор помог ему постичь азы армейской науки и сложность авиационной техники.

Возмужавший Зарубин и теперь смотрел на офицера теми же доверчивыми глазами, как и год назад.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – и Зарубин чуть было не вскинул машинально руку к голове, отчего немного смутился.

Виктор улыбнулся и протянул руку:

– Здравствуй, Володя! Какими судьбами?

Зарубин растерянно посмотрел на Щеглова, после чего ответил торопливо:

– Вернулся. Решил, как и вы, авиации себя посвятить. Каждую ночь самолеты снятся. Сил больше нет маяться. Хочу пойти на контрактную службу.

– Да неужто? – обрадованно переспросил Виктор и произнес свое излюбленное: – Ну и дела-делишки! А я что говорил? Сразу советовал остаться.

– Долго вспоминал ваши слова. И решил: так, как вы говорили, будет лучше. Я побегу, рапорт надо сдать в строевой отдел.

– Да, да, – одобрительно кивнул Виктор.

Зарубин заторопился, но через несколько шагов остановился, пытаясь прикурить сигарету. Но у него не получалось. Сломанные спички одна за другой летели в сторону.

«А я-то чего стою? Тоже ведь с рапортом», – подумал Виктор, но с места не двинулся: что-то удерживало, а что – непонятно. Будто ноги к земле приросли. Задел его своим неожиданным появлением Зарубин. Слова бывшего механика резали уши: «Авиации себя хочу посвятить».

Не то ли самое и он себе говорил ежедневно и ежечасно. А теперь?

Раздумья прервал грохот взлетавшего истребителя, начался разлет эскадрильи, и взгляд Виктора ловил все новые и новые самолеты, серебристыми стрелами устремлявшиеся ввысь. Казалось, им не будет конца. Вслед за взлетевшими устремлялся очередной.

Оставляя за собой раскат грома, истребители поднимались парами и поодиночке.

– Вот дают! Глаз не оторвешь? – послышалось рядом.

– Верно, – подтвердил Виктор, не оборачиваясь. – Тут, пожалуй, не только будут сниться, но и грохотом будить по ночам. И тихо, почти про себя, добавил: – Нет, не по мне другая служба!

– Что вы сказали, товарищ капитан?

– Не по мне, говорю, иная служба! Она для других, – повторил уже громче Виктор, комкая рапорт и засовывая его в карман. Ответил и оглянулся на собеседника.

Показывая ровный ряд крепких зубов, за его спиной стоял Зарубин и замороженно всматривался в небо, такое же голубое, как околыш фуражки и петлицы на кителе Щеглова.